

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.156

Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус

Галина Александровна Дырхеева¹, Чечек Сергеевна Цыбенова²

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670045, Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор филологических наук, главный научный сотрудник

 0000-0003-3477-6280. E-mail: an5dag1@mail.ru

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670045, Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschechek@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022

© Дырхеева Г. А., Цыбенова Ч. С., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье на основе анализа результатов ассоциативных экспериментов, проведенных с носителями тувинского и бурятского языков, анализируется цветообозначение «белый». *Целью* статьи является концептуально-семантический анализ полученных ассоциативных полей в сопоставлении с традиционными культурными представлениями тувинцев и бурят. В работе использованы материалы ассоциативных экспериментов, полученных от носителей тувинского и бурятского языков в разные годы. В *результате* исследования выявлено, что в ассоциативных значениях цветообозначений *ак* и *сагаан* закреплены прежде всего общие для номадной культуры смыслы, связанные с молоком, белой обрядовой пищей, религиозными представлениями белого как чистого и сакрального цвета. В ассоциативном тезаурусе тувинцев и бурят белый цвет передает преимущественно светлую семантику и положительные эмоции, соотносится с широким кругом предметов и явлений окружающей действительности. Как и в лексикографических источниках, отсутствует семантика, связанная с негативными эмоциями. При этом, хотя такие понятия, как смерть, уход из жизни, не ассоциируются с белым цветом, не отражаются в языковой картине мира, но в обрядах и ритуалах тувинцев и бурят повсеместно присутствует связь этих понятий с цветообозначением «белый». Материал эксперимента показывает и специфичные для тувинской и бурятской лингвокультур смыслы, обусловленные этнокультурной традицией и структурой языка. Подобные расхождения в бурятской части встречаются с реакциями, обусловленными религиозным контекстом — *Сагаалган*, *Сагаан үбгэн*. В тувинской части это реакции-топонимы *Ак-Туруг*, *Ак-Хем* или реакция *кара*, имеющая широкое функциональное значение в тувинском языке. Анализ также показывает, что многие ассоциативные реакции совпадают с основными значениями соответствующих лексем (реакции-суперординаты *оң* и *үнгэ(н)*). *Выводы.* Проведенный анализ

подтверждает, что сходство культурно-исторического типа играет немаловажную роль и многие национально-культурные стереотипы носителей родственных языков имеют больше сходств, чем отличий.

Ключевые слова: цветообозначение, языковая картина мира, ассоциативный эксперимент, бурятский язык, тувинский язык, буряты, тувинцы

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания «Мир человека в монгольских языках: анализ средств выражения эмотивности» (номер госрегистрации: № 121031000258-9).

Для цитирования: Дырхеева Г. А., Цыбенкова Ч. С. Белый цвет в традиционном мировоззрении тувинцев и бурят: семантика и ассоциативный тезаурус // Монголоведение. 2022. Т. 14. № 3. С. 634–648. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-634-648

White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached

Galina A. Dyrkheeva¹, Chechek S. Tsybenova²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 677047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-3477-6280. E-mail: an5dag1@mail.ru

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 677047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-7789-1492. E-mail: tschechek@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022

© Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S., 2022

Abstract. Introduction. The article examines results of associative experiments with native speakers of Tuvan and Buryat to analyze the color term ‘white’. **Goals.** The paper attempts conceptual and semantic analyses of obtained associative fields in comparison to traditional cultural representations of Tuvans and Buryats. **Materials and methods.** The paper considers materials of associative experiments attended by native speakers of Tuvan and Buryat in different years. **Results.** The study reveals that associative meanings of the color terms *ak* and *sagaan* are largely constituted by semes common to nomadic culture and relating to milk, white ritual food, religious representations of white as a pure and sacred color. In the associative thesaurus of Tuvan and Buryat, white conveys predominantly light semantics and positive emotions, correlates with a wide range of objects and phenomena of the outer world. Like in lexicographic sources, no semantics associated with negative emotions have been traced. However, despite such concepts as ‘death’ and ‘passing away’ are not associated with white color, nor there are any linguistic mentions — this color is involved in corresponding customs and rites. The experimental materials also show meanings specific to both the Tuvan and Buryat linguocultures, which results from differing ethnocultural traditions and language structures. In Buryat, such discrepancies occur in reactions of religious contexts — *Sagaalgan*, *Sagaan Übgen*. In Tuvan, those are toponyms, such as *Ak-Turug*, *Ak-Khem*, and the reaction *kara* that has broad functional meanings. The analysis also shows that many associative values coincide with main meanings of corresponding lexemes (reactions/superordinates *unge(n)* and *on*). **Conclusions.** The study confirms that cultural and historical similarity plays an important

role, and many ethnocultural stereotypes of native speakers of related languages have more conformities than differences.

Keywords: color terms, linguistic worldview, associative experiment, Buryat language, Tuvan language, Buryats, Tuvans

Acknowledgments. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000258-9 ‘The World of Man in Mongolic Languages: Means of Expressing Emotiveness Analyzed’.

For citation: Dyrkheeva G. A., Tsybenova Ch. S. White Color in Traditional Worldviews of Tuvans and Buryats: Semantics and Associative Thesaurus Approached. *Mongolian Studies (Elista)*. 2022; 14(3): 634–648. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2022-3-634-648

Введение

Лексика цветообозначений в настоящее время активно исследуются на примере многих языков мира. Цветонаименования существуют в культуре каждого народа, поскольку фиксируют и передают информацию об окружающем мире, о его своеобразии, они тесно связаны с культурно-историческими традициями, этническими стереотипами, ценностями, менталитетом. Как полагают исследователи, цвет наравне с такими ключевыми категориями, как пространство, время, движение, представляет собой одну из категорий познания мира [Бакеева 2012: 31]. Понятие цвета, являясь универсальным, в каждой лингвокультуре имеет свою специфику.

В сравнительном аспекте в отечественной лингвистике преимущественно изучается материал русского языка в сопоставлении с материалами других европейских языков (английский, французский, немецкий и т. д.). С этой точки зрения малоисследованными являются цветообозначения других национальных языков народов России, в частности, тувинского и бурятского. Указанные языки относятся к урало-алтайской семье языков, входят в ее алтайскую ветвь. При этом бурятский язык относится к монгольской группе языков, тувинский — к тюркской. Кроме того, бурятский и тувинский языки являются типологически родственными — оба имеют агглютинативный строй языка, по способу выражения грамматических значений они относятся к синтетико-аналитическому типу. Общим является и то, что и буряты, и тувинцы являются потомками кочевников, исповедуют буддизм. Сходство культурно-исторического типа, территориальная близость определенно влияют на многие черты национального характера и менталитета обоих народов. Все эти факты представляют особый интерес для изучения общего и специфичного также и на когнитивном уровне.

Таким образом, целью статьи является изучение и выявление общего и специфичного в образах языкового сознания тувинцев и бурят на примере цветообозначения *белый*. Впервые на основе ассоциативного эксперимента представлен сравнительно-сопоставительный анализ ассоциативных полей, полученных от тувинцев и бурят, на слово-стимул *белый* на тувинском (*ак*) и бурятском (*сагаан*) языках.

Материал и методика исследования

В работе использованы материалы ассоциативных экспериментов, проведенных в разные годы с носителями бурятского и тувинского языков. Отметим, что эксперименты проводились в рамках различных исследований. Массив

на тувинском языке был собран в ходе комплексного социолингвистического исследования языковой ситуации в Республике Тыва в 2009–2010 гг. среди носителей тувинского языка [Цыбенова 2013]. Ассоциативный эксперимент был включен в качестве одного из заданий в комплексную анкету и состоял из 51 слова-стимула. Тест был предложен на тувинском и русском языках. В результате проанализировано по 100 анкет на тувинском и русском языках (всего — 200 анкет), получено 3 664 разных реакций, из которых на тувинском языке — 1 510, на русском — 2 154. Результаты отдельных ассоциативных полей частично проанализированы и отражены в некоторых наших публикациях [Цыбенова 2012; Цыбенова 2020].

Ассоциативный эксперимент среди носителей бурятского языка был проведен в период 2008–2009 гг. В нем приняли участие более 200 респондентов. Всего собрано 120 анкет на бурятском языке и 110 на русском. В эксперименте было предложено 84 слова-стимула. В результате обработки выявлено 3 227 разных реакций на бурятском языке, 3 617 — на русском. В тест для носителей бурятского языка были включены слова-стимулы разной тематики (персоналии, цвета, реалии и др.) и разных частей речи (существительные, прилагательные, глагол). Он также был представлен на двух языках — бурятском и русском. Более подробно результаты ассоциативного эксперимента с респондентами-бурятами опубликованы в монографическом исследовании Г. А. Дырхеевой, которое представляет собой комплексный анализ языковой картины мира бурят-билингвов и форм его трансформации в условиях бурятско-русского двуязычия [Дырхеева 2020]. Необходимо отметить, что общее число приведенных реакций незначительно ввиду того, что многие респонденты дали перевод слова с русского языка на бурятский и обратно.

Исходя из цели нашего исследования в работе сравниваются результаты двух ассоциативных полей: *ак* на тувинском языке и *сагаан* на бурятском. Анализ массивов проведен по общепринятой для психолингвистических исследований схеме. Отношения между стимулом и реакцией проанализированы по основным типам ассоциативной связи (синтагматические, парадигматические, контрастивные). Кроме того, дана попытка сопоставления ассоциативных значений с концептуально-семантическим содержанием данного цветообозначения на тувинском и бурятском языках. В связи с этим в некоторых случаях применен дефиниционный анализ, предполагающий привлечение словарных статей из различных лексикографических источников. Сравнительный анализ ассоциативных полей по цветообозначениям бурятского и тувинского языков проводится впервые. Отметим, что при интерпретации ассоциативных полей особое внимание было обращено на широкое символическое значение полученных реакций, на их национально-культурную обусловленность в контексте тувинской и бурятской культур, шире кочевой культуры.

История вопроса

Лингвоцветовая картина мира тувинцев рассматривалась преимущественно на материале фольклорных произведений. Относительно эпитета-прилагательного *ак* указывается, что белый цвет является не только любимым и благородным, но и имеет значения «роскошный» (*ак өг* ‘белая юрта’), «богатый» (*ак мал*

‘белый скот’), «добрый» (ак *сеткил* ‘добрая душа’) [Байсклан 1986: 120–121]. Отмечается, что белый цвет имеет разные оттенки: *маңган ак* ‘бело-белый’, *көгүлдүр ак* ‘сине-белый или белый с синевой’, *саргылдыр ак* ‘желто-белый или белый с желтизной’ и т. д. [Донгак 2004: 214]. Кроме того, считается, что белый цвет обладает магической, очистительной силой, ему отдают предпочтение в торжественных случаях, при проведении ритуалов используют белую — молочную — пищу (ак *чем*), белые ленточки (ак *чалама*), белый ритуальный кусок ткани (ак *кадак*), проводят холощение животных (мал *чазаар*, мал *актаар*) и др. Белый, наряду с черным, также представляет собой один из частотных эпитетов в тувинском фольклоре [Донгак 2004: 218–220].

Значения цветообозначения *ак* хорошо изучены и на материале тувинских топонимов. *Ак* представляет собой наиболее часто употребляющийся топоформант. Так, в различных местах компактного проживания тувинцев (на территории районов Тувы, с. Верхнеусинск, Красноярского края, Ховдского и Баян-Ульгийского аймаков Монголии) зафиксировано более 100 топонимов с *ак* [Сувандии 2019: 198]. В топонимическом словаре Тувы отмечены следующие значения *ак*: «а) белый; б) чистый, без растительности, без примесей; в) питающийся талыми снеговыми водами (о реках и озерах); мутноватый, со взвесями — противоположно *кара*; г) со снежным покровом; д) с горной породой светлых оттенков; е) мутно-белый от взвесей; ж) священный; великий; з) хороший, благоприятный» [Ондар 2007: 85].

Семантика цветообозначений в тюркских языках подробно рассмотрена также на основе лексикографических источников [Кононов 1978]. Относительно цветообозначения *белый* отмечены такие значения: 1) «белый»; 2) «чистый, незапятнанный, невинный, честный, правильный, прекрасный, роскошный, великолепный»; 3) «сивый (масть лошади)»; 4) «белизна, белок (глаза, яйца)»; 5) «бельмо»; 6) «молочные продукты». Указанное цветообозначение как слово-компонент часто употребляется в составе личных имен, этнонимов, топонимов, социальной терминологии, названий различных птиц и животных, растений, пищи, продуктов, утвари [Кононов 1978: 170–172]. Большинство указанных значений типично и для тувинского языка.

Специфика цветообозначений в бурятском языке рассмотрена во многих работах. В отличие от тувинского языка, цветообозначения бурятского языка изучены в рамках различных аспектов: лингвокультурологии, психолингвистики, ономастики, этнографии и др. Так, в результате анализа концепта «цвет» в бурятской лингвокультуре Д. П. Хинзеева приходит к выводу, что цветообозначение *сагаан* обладает «...наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые многообразные сферы жизни <...> Вероятно, это объясняется физической природой белого цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки» [Хинзеева 2011: 14]. Белый цвет, как и для других монгольских народов, символизирует благополучие, источник силы, здоровья, чистоту, безбедность, силу, отсутствие неудач, жизнь, здоровье, дружелюбие, ясность, открытость, доступность [Хинзеева 2011: 15].

Анализ произведений устного народного творчества народов Забайкалья, этнографических и лексикографических источников показал, что цветообозначение *белый* — *черный* в бурятской культуре может распространяться на ши-

рокий круг предметов и явлений. Выявлено, что предметы белого цвета, наряду с черными и красными, часто используются не только в свадебных обрядах, но и в похоронных, как знаки, «указывающие на переход человека из одного состояния в другое». Так, в одном похоронном обряде белая, т. е. забеленная молоком, вода, подобно живой воде, символизирует новое состояние человека — его перерождение в качестве шамана [Баинова 2005: 11–12]. Исследование показало, что «семантика *сагаан* (белый) как цвета, символизирующего смерть, не нашло своей лексикографической закреплённости в силу архаичности этого значения» [Баинова 2005: 15].

Сравнительно-сопоставительный анализ цветообозначений на материале ассоциативного эксперимента, полученного от бурят и русских, показал, что наиболее активными у бурят оказались ассоциаты *желтый* и *белый*. *Белый* у бурят чаще всего ассоциируется с чистотой, снегом, белой пищей и «... „этапоном“ *белого* цвета является не снег как у русских, а молоко и хадак белого цвета» [Бухаева 2010: 4]. Таким образом, у бурят вербальные ассоциации на цветосимволы в основном связаны с религией. Интересно, что «...русские респонденты дают больше ассоциаций, связанных с наименованиями объектов, а буряты — с оценочными значениями, что свидетельствует о лучшем пространственно-образном речевом мышлении бурят» [Бухаева 2010: 7].

Сагаан активно употребляется также в топонимии Байкальского региона. Оно входит в десятку наиболее распространенных топооснов и является самым продуктивным цветообозначением в бурятской топонимии. Употребляется как в литературной форме, так и в диалектной *цагаан*, изредка в форме дериватов *сагаагшан* ‘белый (о масти животных)’ и *сагаахан* ‘беленький’ [Дамбуев 2020: 110]. Отмечается, что, употребляясь в топонимии, цветообозначение *сагаан* реализует не весь спектр значений, которым обладает в языке. В частности, выявлены случаи переносного употребления, в которых реализуются его значения ‘ровный, открытый, проходимый’ и ‘священный’ при описании перевалов, островов и степей. Исследование показало, что различия в употреблении цветообозначения в разных языках имеются на концептуальном уровне [Дамбуев 2020: 113].

Как видим, лексика цветообозначений как в тувинском, так и бурятском языках преимущественно исследована в аспекте лингвокультурологии, этнографии, топонимии. Следует отметить, что в рамках психолингвистики цветообозначения более всего исследованы в бурятском языке. Материал указанных языков в основном сравнивается с русским языком. Прежде всего это связано с изучением и выявлением особенностей влияния русского языка на традиционное мировидение малочисленных народов РФ, исследованием национальной языковой картины мира.

Результаты эксперимента

Для кочевых культур наиболее ярким в плане отражения национальной особенности, по мнению многих исследователей, считается белый цвет. Так, О. Ю. Динисламова отмечает, что «исследования фольклора, образцов устного народного творчества показывают, что белый цвет ассоциируется с днем, снегом, светом, жизнью, добром, Верхним миром и неразрывно связан с понятием

„светлый“» [Динисламова 2017: 37]. В тувинском и бурятском языках также можно встретить множество пословиц, поговорок и благопожеланий, связанных с данным цветообозначением:

Тув.: *Даг дег караны*

Довук дег ак базар

‘Правда с ноготок

Гору лжи победит’ [Мудрость народа 1976: 78];

Бур.: *Сагаан эдеэтэй — сүриэжэ байхамнай болтогой!*

Сагаан зантай — солотой нуухамнай болтогой!

Сагаан замтай — сарюун ябахамнай болтогой!

Сагаан сэдхэлэй сог зали бадаруулхамнай болтогой!

‘Пусть у нас будет белая пища, чтобы поднести богам!

Пусть слава о нашем добром нраве распространяется!

Пусть наш путь будет светлым и чистым!

Пусть разгораются искорки нашей белой души!’

[Үрээл тогтохо болтогой 2019: 19].

Большинство исследователей приходят к выводу, что обозначение белого цвета относится к этнически релевантным, т. е. особенно важным для этноязыкового сознания цветообозначениям. «Белый» может выступать как постоянный эпитет, маркирующий положительные свойства людей и предметов, и он практически не имеет отрицательных значений, не является символом смерти и траура [Динисламова 2017: 37–38].

Полученные нами ассоциативные поля также отражают «светлую» семантику лексемы. И у тувинцев, и у бурят белый цвет символизирует благополучие, удачу, здоровье и изобилие (см. табл. 1).

Таблица 1. Ассоциативные поля *сагаан* на бурятском и *ак* на тувинском языках

[Table 1. Associative fields for *sagaan* (Buryat) and *ak* (Tuvan)]

	буряты (34)	тувинцы (23)
	<i>сагаан</i>	<i>ак</i>
1	<i>эдеэн</i> ‘еда, пища’ (5), <i>һү (н)</i> ‘молоко’ (4), <i>морин</i> ‘лошадь, конь’ (3), <i>үнгэ(н)</i> ‘цвет’ (3), <i>һанаан</i> ‘мысль, дума, намерение’ (3), <i>сэдхэл</i> ‘мысль, думы, помыслы’ (2), <i>саарһан</i> ‘бумага’ (2), <i>хара</i> ‘черный’, <i>хадаг</i> ‘хадак (сложенная узкая шелковая ткань)’	<i>сүт</i> ‘молоко’ (30), <i>кара</i> ‘черный’ (15), <i>өң</i> ‘цвет’ (14), <i>аьт</i> ‘конь’ (4), <i>саазын</i> ‘бумага’ (3), <i>сеткил</i> ‘помыслы’, <i>чем</i> ‘пища/еда’, <i>кадак</i> ‘кадак (сложенная узкая шелковая ткань)’, <i>сагыш</i> ‘думы, помыслы’, <i>арыг</i> ‘чистый’
2	<i>саһан</i> ‘снег’ (6), <i>һара</i> ‘месяц, луна’ (4), <i>дали</i> ‘крылья’ (3), <i>сагаан эдеэн</i> ‘белая пища’ (3), <i>сэбэр</i> ‘чистый’ (2), <i>сагаалган</i> ‘Сагаалган (Новый год по лунному календарю)’ (2), <i>хилээмэн</i> ‘хлеб’ (2), <i>дабһан</i> ‘соль’, <i>зан</i> ‘нрав, характер’, <i>нюур</i> ‘лицо’, <i>зүһэн</i> ‘масть’, <i>сагаан плати</i> ‘белое платье’, <i>сагаан сэбэр</i> ‘чистый’, <i>сагаан сэдхэл</i> ‘добродушие, светлые помыслы’, <i>сагаан үнгэ</i> ‘белая краска’, <i>сагаан үһэн</i> ‘седина’	<i>дээр</i> ‘небо’ (2), <i>орук</i> ‘дорога’, <i>чырык</i> ‘свет’, <i>көк</i> ‘синий’, <i>дүк</i> ‘шерсть’, <i>Туруг</i> ‘Ак-Туруг’, <i>Хем</i> ‘Ак-Хем’, <i>тос</i> ‘кора’, <i>булут</i> ‘облако’, <i>шай</i> ‘чай’, <i>диштер</i> ‘зубы’, <i>аржыыл</i> ‘платок/полотенце’, <i>дозу</i> ‘эмаль/краска’

сагаан <i>hanaan</i> ‘чистые, светлые мысли’, <i>сай</i> ‘чай’, <i>соохор</i> ‘пестрый’, <i>туг</i> ‘знамя’, <i>түрэл</i> ‘родня, родство’, <i>убгэн</i> ‘старик’ (<i>Сагаанубгэн</i> ‘Белый старец’), <i>улаан</i> ‘красный’, <i>хайн</i> ‘хороший, красивый’, <i>эрезн</i> ‘пестрый’	
---	--

Примечание: В колонках табл. 1 приведены совпадающие ассоциации, под цифрой 2 — несовпадающие.

В целом можно отметить, что, как и в других языках, в ассоциативном поле цветолексемы *белый* обоих языков преобладают синтагматические реакции, показывающие их связь с объектами окружающего мира. В тувинской части — это *дук* ‘шерсть’, *тос* ‘кора’, *булут* ‘облако’, *шай* ‘чай’, *диштер* ‘зубы’, *аржыыл* ‘платок/полотенце’, *дозу* ‘эмаль/краска’ и др. В бурятской — *хилээмэн* ‘хлеб’, *сагаан плати* ‘белое платье’, *дабхан* ‘соль’, *сай* ‘чай’, *туг* ‘знамя’ и др. Однако самой частотной в обеих группах респондентов, судя по колонке 1, оказалась реакция, связанная с *сүт* и *һү(н)* ‘молоком’, причем для бурят первичным является именно *саган эдээн* ‘белая еда, пища’, имеющая большое сакральное значение и объединяющая всю молочную пищу. То же самое значение имеет ассоциативная пара *ак чем* в тувинском языке, но по частотности она является единичной.

Здесь интересно отметить материал, полученный В. Тернером от африканского племени ндембу. Некоторые параллели перекликаются и с нашими материалами. Так, изучая проблему цветовой классификации в примитивных культурах, В. Тернер отмечает, что, по представлениям ндембу, белое является символом воспитания, который имеет такие материальные проявления, как грудное молоко, семя и каша из кассавы. По его мнению, белое «...символизирует верную преемственность между поколениями и связано с радостями еды, зачатия, вскармливания» [Тернер 1972: 63]. В бурятской и тувинской культурах белый цвет, как мы видим, также связан с молоком и едой. Как известно, основой хозяйственно-культурного типа тюрко-монгольских народов являлось кочевое скотоводство. Понятие пяти видов скота существует и у бурят (*табан хошуу мал*), и у тувинцев (*беш чүзүн мал*). Поэтому у кочевых народов белый несомненно символизирует молоко, употребляемое в пищу, используемое в ритуальных целях.

Ритуальный смысл имеют и ассоциативные пары *ак* → *кадак* и *сагаан* → *хадаг* ‘белая шелковая лента’ (*кадак/хадаг* — сложенная узкая шелковая ткань, которую подносят в знак почтения и добрых пожеланий). Белый цвет показывает почтение, уважение, благодарность духам местности, предкам, а также получение благословения от высших сил. Вероятно, ритуальность, сакральность белого цвета объясняется его характеристикой как базового ахроматического цвета, его архетипичностью, связанной с коллективным бессознательным. Во многих культурах он связан именно с ритуалами, традициями. В вышеупомянутой культуре ндембу белый также демонстрирует отношения господства и подчинения, символизирует щедрость доминирующего и в то же время благодарность подчиненного. Как пишет В. Тернер, в знак благодарности за здоровье, долголетие, счастье, плодородие, удачу на охоте, чтобы заслужить благословение предков,

племя ндембу обозначает дерево белыми знаками и полосами, белыми отметинами свои тела. «Ндембу верят, что, создав „белый цикл“, они обеспечивают для себя материальное благополучие и все те незримые благодеяния, которые мертвые предки даруют народу» [Тернер 1972: 64]. Или общеизвестный для всех белый цвет, используемый в ритуалах погребения в Японии; белый цвет свадебного наряда невесты во многих культурах, как символ физической и духовной чистоты и т. д.

Говоря о ритуальности белого цвета, отметим, что ни в ассоциативном тезаурусе, ни в лексикографических источниках тувинского и бурятского языков мы не находим связи белого цвета с негативными эмоциями, со смертью. При этом в ритуальном контексте он используется повсеместно, используется он и при похоронных обрядах. Так, по сведениям этнографов, у тувинцев, выходцев из Монгун-Тайги (район Западной Тувы), было принято умершего класть на белый войлок или материал (*ак салырзд* ‘букв. подложить белое’. — Д. Г., Ц. Ч.), при наземном погребении часто место погребения отмечали белым валуном [Кисель, Шыырап 2009: 111]. В настоящее время в погребальной практике бурят и тувинцев белый цвет до сих пор присутствует. Отмечается, что местами (юг Тувы) население придерживается старинных традиций и умершего хоронят без одежды, завернув в полотнище белой ткани, настилают белый войлок [Кисель 2010: 261, 265]. По сведениям наших информантов, у отдельных родов бурят, в частности хоринских бурят, покойного принято оборачивать исключительно в белую материю, на макушке оставляя небольшое отверстие (женщина, 70 л.). У тувинцев место погребения окропляют забеленной молоком водой или водкой. Делается это для того, чтобы дух местности — *чер ээзи* ‘хозяин земли’ — дал свое разрешение на погребение (женщина, 66 л.). Таким образом, «повсеместно продолжает бытовать „кормление“ духов и „души“ усопшего. Оно выражается в окроплении молоком или соленым молочным чаем пути похоронного поезда и места погребения» [Кисель 2010: 263]. Очевидно, в повседневной жизни тема смерти, ухода из жизни табуирована, в связи с чем в этом контексте *белый* не отражается в ассоциативном тезаурусе, не упоминается и в лексикографических источниках. Вероятно, сказывается и то, что, по буддийским представлениям, уход из жизни воспринимается не как конец бытия, а начало другой жизни, перерождение живых существ.

Носители тувинского и бурятского языков не явились исключением, как и респонденты большинства других языков, в противопоставлении белого цвета черному: *кара* и *хара*. Однако интересно отметить относительно высокую его частотность в тувинском материале эксперимента. Можно допустить более активное функционирование полифункциональной лексемы *кара* в тувинском языке, отметить его более широкую семантическую сочетаемость, коннотационный диапазон. Например, в отличие от бурятского языка данная лексема широко используется в современном антропонимиконе тувинцев — *Кара* (муж., жен.), *Кара-кыс* (жен.), *Анай-Кара* (жен.), *Кара-оол* (муж.), которые могут иметь не только защитное значение, но и положительные — ‘красивый’, ‘чистый’, ‘стойкий’, ‘смелый’, ‘храбрый’. Распространены родовые имена, которые сейчас используются в качестве фамилий — *Кара-Сал*, *Кара-Донгак* и др. Отметим использование в речи обращений *анай-кара*, *хөлчүң-кара*, *чараш-кара* — ла-

сковое обращение к мужу / жене, любимой (-ому), которые используются в мелиоративном значении ‘дорогая’, ‘любимая’. Хотя указанные обращения преимущественно использовались в языке досоветского периода, в современном языке их использование также возможно. Цветолексема *кара* также широко используется для обозначения кличек животных, часто в качестве одного из компонентов, или как прозвищное имя: *Эзир-Кара*, *Калдар-Кара*, *Карадай*, *Каралдай*, *Калбак-Кара* и т. д.

Отметим, что в бурятской части *хара* является единичной реакцией. Вместе с тем личные имена с аналогичным значением с данной цветолексемой есть и в бурятском антропонимиконе. Материалы «Словаря бурятских личных имен» показывают, что в основном все они широко бытовали до XX в.: *Хара* (XIII колено в антропологической таблице — 1841–1860 гг.), *Хара Могсоон* ‘черный куций / черный короткий’ (XV колено в антропологической таблице — 1881–1900 гг.), *Хара Хүбүүн* ‘черный мальчик’ (VI колено в антропологической таблице — 1701–1721 гг.) [Митрошкина 2008: 236]. В современном бурятском языке бытуют фамилии *Харанохоев* (от *хара нохой* ‘черная собака’), *Харахинов* (от *хара үхин* ‘черная, смуглая девушка’) и др. Личные имена с данной цветолексемой встречаются редко. Таким образом, наличие антонима предельного значения в исследуемых массивах, вероятно, следует объяснять влиянием и глубиной языковой традиции, этническими стереотипами.

Бурятская часть материала выделяется реакциями, связанными с религиозным аспектом: *Сагаалган* ‘Новый год по лунному календарю’, *Сагаан үбгэн* ‘Белый старец’. Известно, что с приходом и распространением буддизма многие обычаи, верования и традиции большинства народов, живших на территории Центральной Азии, в том числе тувинцев и бурят, подверглись постепенной адаптации. *Сагаалган*, отмечавшийся в добуддийский период в осенний период, стали праздновать по лунному календарю зимой. Главный персонаж новогоднего праздника — *Сагаан үбгэн* — также плавно вошел в пантеон буддийских божеств. Несмотря на то, что буддизм распространен и в Туве, подобных реакций в тувинской части не встречается. Их наличие только в бурятском материале и отсутствие в тувинском свидетельствует, что в рамках эксперимента большое влияние на появление тех или иных реакций оказывает именно специфика языка. Языковой фактор четко отслеживается и в тувинском материале эксперимента. Так, здесь выделяются реакции-топонимы — *Ак-Туруг*, местечко и гора Ак-Туруг, дословно переводится как ‘Белая скала’; *Ак-Хем*, название реки, дословно переводится как ‘Белая река’.

Национально-специфичными и общими для обеих групп опрошенных оказались реакции, связанные с чистыми мыслями, намерениями, помыслами: *сеткил* ‘помыслы’, *сагыш* ‘думы, помыслы’, *һанаан* ‘мысль, дума’, *сэдьхэл* ‘мысль, дума, помыслы’, и с самым главным для кочевников животным, а именно с лошадью — *аът* ‘конь, лошадь’ и *морин* ‘лошадь’. Указанные значения зафиксированы и в словарях. Интересно отметить, что сравнение со словарными статьями показывает отсутствие в материале эксперимента некоторых из них. Например, *Сагаан Ордон* ‘Белая Орда’ или *сагаан хаан* ‘ист. русский царь’ [БРС, II 2010: 135]. Подобные случаи подтверждают специфику материалов

ассоциативных экспериментов, отражающих языковую картину мира носителя языка данной эпохи, имеющих привязку к определенному времени.

В проведенных экспериментах, как и в других языках, цветообозначения оказались самыми частыми парадигматическими реакциями: *хара* и *кара* ‘черный’, *улаан* ‘красный’, *көк* ‘синий’, *эреэн* ‘пестрый’, *соохор* ‘пестрый’. В данную группу можно включить и суперординату *өң* ‘цвет’, *үнгэ(н)* ‘цвет’, входящую в колонку 1, в которой, по мнению А. А. Залевской, «реализуется глубинная парадигматическая связь» [Залевская 1990: 124]. Исследовательский материал показывает, что на другие стимулы-цветообозначения реакции *үнгэ(н)* и *өң* практически всегда оказываются высокочастотными. Например, в эксперименте на бурятском с *шара* ‘желтый’ он встречается 17 раз, с *улаан* ‘красный’ — 12, с *хара* ‘черный’ — 20 [Дырхеева 2020]; с тувинскими *кара* ‘черный’ — 20, *сарыг* ‘желтый’ — 12, *ногаан* ‘зеленый’ — 18, *ак-көк* ‘голубой’ — 4, *кызыл* ‘красный’ — 9 [ПМЦЧ]. В случае с *ак* встречается 14 раз, с *сагаан* — 3. В лексикографических источниках лексемы *өң* и *үнгэ(н)* также приводятся как первые значения различных цветолексем. В этом случае мы видим, что семантика и ассоциативное значение совпадают.

По колонке 2 можно отметить отсутствие у тувинцев наиболее «эталонной» реакции для многих языков России — ‘снег’. В тувинском языке с цветообозначением *ак* более распространена лексема *кыш* ‘зима’. Можно предположить, что в картине мира тувинцев снег как явление природы тесно связан собственно со временем года. Отметим, что сезонность свойственна всему образу жизни номадов-кочевников, их материальному и духовному миру. В тувинском языке есть и сочетание *кара кыш* ‘зима без снега’ (букв. «черная зима»), *кыш кара болду* ‘зима была без снега / малоснежная’. Большая вероятность того, что образ снега может быть исходно связан с белым цветом. Поэтому у респондентов данная реакция отсутствует, т. е. *ак* часто используется как синоним лексемы *хар* ‘снег’. Обозначение снега цветоименованием *ак* часто встречается в разговорной речи тувинцев. Так, гора Монгун-Тайга с белоснежными гольцами в народе называется *Ак баитыг*, т. е. «Белоголовая», имеется в виду ‘гора со снежной вершиной’ или выражения *даштын чер ак* ‘на улице бело’, ‘на улице выпал/лежит снег’, *даглар бажы ак* ‘на горах выпал снег’ и др. Кроме того, как говорилось выше, на результаты эксперимента часто могут влиять экстралингвистические факторы, такие, как время проведения эксперимента. Так, тувинский материал был собран в летний сезон. Возможно, поэтому реакция ‘снег’ отсутствует в тувинской части.

В тувинском материале также выделяется пара *ак дээр*, которое дословно можно перевести как ‘белое небо’. Здесь можно предположить несколько вариантов интерпретации заложенного смысла. Стимул *ак*, может быть, связан с другим цветообозначением — *ак-көк* ‘голубой’. Возможно, в условиях эксперимента реализован первый компонент данной парной цветолексемы — *ак-көк дээр* ‘голубое небо’. Кроме того, сочетание *ак дээр* может быть связано с затяжными дождями, когда небо приобретает серый, белесоватый оттенок: *дээр ак чаъстай берген*, *дээр ак* или *актай берген* — с общим значением ‘затянутое тучами дождливое небо с морозящим дождем’. И, в-третьих,

в толковом словаре тувинского языка мы находим словосочетание *ак дээр*, которое переводится ‘сожалеть, раскаяться’ [ТСТЯ, I 2003: 94]. В этом случае *ак* — это междометие, выражающее сожаление, а *дээр* — многофункциональный глагол ‘говорить, сказать’, т. е. дословно на русский язык можно перевести как ‘ахать’. Однако данный вариант в условиях эксперимента весьма маловероятен.

Заключение

Проведенный сравнительный анализ показывает, что ассоциативные реакции тувинцев и бурят на цветолексему ‘белый’ *ак* и *саган* имеют больше сходств, чем отличий. При этом частотными оказались реакции, передающие национально-культурную специфику и кочевную культуру (*молоко, белая пища, белый кадак / хадаг, конь*). Общее определяется и общечеловеческими ценностями (*добрые мысли, чистые помыслы*), религиозными воззрениями, окружающей природой и средой. ‘Белый’ имеет одинаковое ритуальное значение для опрошенных. Анализ показывает, что значения, связанные с такими ритуальными обрядами, как погребение, уход из жизни, в ассоциативном тезаурусе и в лексикографических источниках не фиксируются. При этом этнографический материал показывает, что значение белого как сакрального цвета для потомков-кочевников сохраняется и повсеместно используется, но в языковой картине мира значение белого, связанного с негативными эмоциями, размыто. Отличия определяются специфическими национально-культурными особенностями (праздники, топонимия). Эти расхождения объясняются в основном образом жизни и спецификой языка (реакции с религиозным контекстом в бурятской части — *Сагаалган, Сагаан үбгэн*; реакции-топонимы в тувинской части — *Ак-Туруг, Ак-Хем*; реакция *кара*, его широкое функционирование в тувинском языке и др.). Как показал анализ, многие ассоциативные значения совпадают с основными значениями соответствующих лексем (реакции-суперординаты *үнгэ(н)* и *өң*).

Таким образом, психолингвистический аспект предполагает исследование образов или словесных ассоциаций прежде всего через призму языковой картины мира. Полученные в ходе экспериментальных методов ассоциативные поля тесно связаны с образом мира той или иной лингвокультуры. Выявление разнообразных ассоциаций, стоящих за тем или иным словом-стимулом, дает возможность выявить их национально-культурное содержание, увидеть кроме общего, универсального, свойственного всему человечеству, и другие смысловые оттенки. Прежде всего результаты таких исследований имеют практическую ценность в области лексикографии, переводоведения, межкультурной коммуникации. Они необходимы для пояснения и доработки словарных статей, при чтении лекций по лингвокультурологическим и этнолингвистическим дисциплинам и др. Исходя из полученных результатов, можно предположить, что на языковую картину мира влияют не только этносоциокультурные факторы (исторический опыт, быт, нравы, верования, культура, этнические стереотипы), но и структура языка, грамматические правила которого способствуют появлению специфических ассоциаций.

Сокращения

Бур. — бурятский; тув. — тувинский

Источники

- БРС, II 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. II. О–Я. Улан-Удэ: Респ. типография, 2010. 708 с.
- ПМИЦ — Полевые материалы Чечек Цыбеновой.
- ТСТЯ, I 2003 — Толковый словарь тувинского языка / под ред. Д. А. Монгуша. Т. I: А–Й. Новосибирск: Наука, 2003. 599 с.

Sources

- Field Data of Chechek Tsybenova. (In Bur. and Russ.)
- Mongush D. A. (ed.) An Explanatory Dictionary of the Tuvan Language. Vol. 1: А–Й. Novosibirsk: Nauka, 2003. 599 p. (In Tuv. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)

Литература

- Баинова 2005 — *Баинова А. А.* Семантика цвета в традиционной культуре народов Забайкалья: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. культурологии. Улан-Удэ, 2005. 24 с.
- Байсклан 1986 — *Байсклан С. М.* Изобразительные средства тувинских героических сказаний // Исследования по тувинской филологии. Кызыл: Тип. Госкомиздата Тувинской АССР, 1986. С. 118–127.
- Бакеева 2012 — *Бакеева Д. А.* Символика цвета в разнообразных культурах мира: мифологический этап // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6 (20). С. 30–33.
- Бухаева 2010 — *Бухаева Р. В.* Цветосимволы как стереотипы речевого поведения (мышления) бурят (по материалам направленного ассоциативного эксперимента) // Вестник Бурятского государственного университета. Серия «Филология». 2010. Вып. 10. С. 43–47.
- Дамбуев 2020 — *Дамбуев И. А.* Цветообозначение *сагаан* ‘белый’ в бурятской топонимии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. Вып. 2 (28). С. 106–117.
- Динисламова 2017 — *Динисламова О. Ю.* К вопросу об основных цветообозначениях современного мансийского языка: антропологический и лингвокультурологический подходы // Вестник угроведения. 2017. № 1 (28). С. 35–45.
- Донгак 2004 — *Донгак С. Ч.* Цвет и его символика в тувинской кочевой культуре // Ученые записки. Вып. XX. Кызыл: Тип. Госкомитета РТ по печати и информации, 2004. С. 213–227.
- Дырхеева 2020 — *Дырхеева Г. А.* Бурятский язык в условиях двуязычия: особенности трансформации языкового сознания (по результатам ассоциативного эксперимента) / отв. ред. Б. Д. Цыренов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2020. 236 с.
- Залевская 1990 — *Залевская А. А.* Слово в лексиконе человека. Психолингвистическое исследование. Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1990. 205 с.
- Кисель, Шыырап 2009 — *Кисель В. А., Шыырап О. К.* Современный погребальный обряд тувинцев Монгун-Тайги (материалы этнографической экспедиции) // Вестник Тувинского государственного университета. 2009. № 1. С. 107–117.
- Кисель 2010 — *Кисель В. А.* Современный похоронно-поминальный ритуал тувинцев // Новые исследования Тувы. 2010. № 4. С. 255–279.

- Кононов 1978 — Кононов А. Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник 1975 / отв. ред. А. Н. Кононов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. С. 159–179.
- Митрошкина 2008 — Митрошкина А. Г. Словарь бурятских личных имен. Опыт лингво-социально-локально-хронологического словаря / отв. ред. В.И. Семенова. Иркутск: ООО «Репроцентр А1», 2008. 384 с.
- Мудрость народа 1976 — *Мудрость народа*. Тувинские пословицы и поговорки. Кызыл: Тувинское кн. изд-во, 1976. 79 с.
- Ондар 2007 — Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. 2-е изд. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2007. 550 с.
- Сувандии 2019 — Сувандии Н. Д. Топонимы-цветообозначения в тувинском языке // Новые исследования Тувы. 2019. № 4. DOI: 10.25178/nit.2019.4.16
- Тернер 1972 — Тернер В. У. Проблема цветовой квалификации в примитивных культурах (на материале ритуала ндембу) // Семиотика и искусствоведение. Сб. переводов / сост. и ред. Ю. М. Лотман и В. М. Петрова. М.: Мир, 1972. С. 50–81.
- Үрээл тогтохо болтогой 2019 — *Үрээл тогтохо болтогой* / С. Бабуев суглуулан согсолбо. Улаан-Үдэ: Бурядай номой хэблэл, 2019. 192 н. (Бурятские благопожелания / сост. С.Д. Бабуев. Улан-Удэ: Бурятское кн.изд-во, 2019. 192 с.)
- Хинзеева 2011 — Хинзеева Д. П. Цветообозначения в бурятском языке: лингвокультурологический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2011. 28 с.
- Цыбенова 2012 — Цыбенова Ч. С. Цветообозначения в контексте исследования языкового сознания (на примере тувинцев-билингвов) // Актуальные проблемы функционирования и развития языков в условиях контактирования: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию д-ра филол. наук, проф. О. Д. Бухаевой (г. Улан-Удэ, 22–29 ноября 2012 г.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2012. С. 86–89.
- Цыбенова 2013 — Цыбенова Ч. С. Современная языковая ситуация в Республике Тыва: социопсихолингвистический аспект: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Улан-Удэ, 2013. 24 с.
- Цыбенова 2020 — Цыбенова Ч. С. Отражение традиционных ценностей в языковом сознании тувинцев (по данным ассоциативного эксперимента) // Вопросы психолингвистики. 2020. № 1. С. 98–109. DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109

References

- Babuev S. D. (comp.) Buryat Well-Wishing Verses. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 2019. 192 p. (In Bur.)
- Bainova A. A. Color Semantics in Traditional Cultures of Transbaikalia: A Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (cultural studies) thesis abstract. Ulan-Ude, 2005. 24 p. (In Russ.)
- Bakeeva D. A. Colour symbolism in different world cultures: Mythological stage. *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 2012. No. 6 (20). Pp. 30–33. (In Russ.)
- Bayskhan S. M. Tuvan heroic tales: Depictive means reviewed. In: *Studies in Tuvan Philology*. Kyzyl: Tuvan ASSR State Committee for Publishing, 1986. Pp. 118–127. (In Russ.)
- Bukhaeva R. V. Symbols of colors as stereotypes of vocal behavior of Buryats (On the materials of direct associative experiment). *Bulletin of Buryat State University. Philology*. 2010. No. 10. Pp. 43–47. (In Russ.)
- Dambuev I. A. Colour designation *сагаан* ‘white’ in the Buryat toponymy. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*. 2020. No. 2 (28). Pp. 106–117. (In Russ.)
- Dinislamova O. Yu. To the question about basic color terms of modern Mansi language: anthropological and lingual-culturological approaches. *Bulletin of Ugric Studies*. 2017. No. 1 (28). Pp. 35–45. (In Russ.)
- Dongak S. Ch. Color and its symbolism in Tuvan nomadic culture. In: *Scholarly Notes*. Vol. 20. Kyzyl: Tyva Republican Committee for Publishing and Information, 2004. Pp. 213–227. (In Russ.)

- Dyrkheeva G. A. The Buryat Language in the Age of Bilingualism: Features of Transformed Linguistic Consciousness Analyzed (Summarizing Results of One Associative Experiment). B. Tsyrenov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2020. 236 p. (In Russ.)
- Khinzeeva D. P. Buryat Color Terms: A Linguocultural Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 28 p. (In Russ.)
- Kisel V. A. Contemporaneous funeral commemoration ceremony of Tuvans. *The New Research of Tuva*. 2010. No. 4. Pp. 255–279. Available at: <http://www.tuva.asia/journal/2521-kisel.html> (accessed: 22 March 2021). (In Russ.)
- Kisel V. A., Shyyrap O. K. Tuvans of Mongun-Tayginsky District (Tyva Republic, Russia): Contemporary burial rites reviewed. *Bulletin of Tuva State University*. 2009. No. 1. Pp. 107–117. (In Russ.)
- Kononov A. N. Turkic languages: Semantics of color terms analyzed. In: Kononov A. N. (ed.) *Turkological Collection — 1975*. Moscow: Nauka — GRVL, 1978. Pp. 159–179. (In Russ.)
- Mitroshkina A. G. The Dictionary of Buryat Personal Names: Linguistic, Social, Local, and Chronological Perspectives. V. Semenova (ed.). Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008. 384 p. (In Russ.)
- Ondar B. K. Tuva: A Toponymic Dictionary. 2nd ed. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2007. 550 p. (In Tuv. and Russ.)
- Sagan-ool O. K., Khadakhane M. A. (comps.) *Wisdom of the People: Tuvan Proverbs and Sayings*. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1976. 79 p. (In Tuv. and Russ.)
- Suvandii N. D. Place names of color designation in Tuvan language. *The New Research of Tuva*. 2019. No. 4. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/896> (accessed: 29 March 2021). (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.4.16
- Tsybenova Ch. S. Color terms in the context of insights into linguistic consciousness: Tuvan bilinguals analyzed. In: *Topical Issues of Language Functioning and Development in [the Age of] Contacts*. Jubilee conference proceedings (Ulan-Ude, 22–29 November 2012). Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2012. Pp. 86–89. (In Russ.)
- Tsybenova Ch. S. Current Language Situation in the Tyva Republic: A Sociopsycholinguistic Aspect. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ulan-Ude, 2013. 24 p. (In Russ.)
- Tsybenova Ch. S. Reflection of axiological picture of the world in language. *Journal of Psycholinguistics*. 2020. No. 1. Pp. 98–109. (In Russ.) DOI: 10.30982/2077-5911-2020-43-1-98-109
- Turner V. W. Color classification in Ndembu ritual: Problem in primitive classification. In: Lotman Yu. M., Petrova V. M. (comps., eds.) *Semiotics and Art Metrics*. Collected translations. Moscow: Mir, 1972. Pp. 50–81. (In Russ.)
- Zalevskaya A. A. Word in Human Vocabulary: A Psycholinguistic Study. Voronezh: Voronezh State University, 1990. 205 p. (In Russ.)